

ФОРМИРОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ ДИАСПОРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Юлия Александровна ВЕТОХИНА,
аспирантка Института истории ДВО РАН

Дальний Восток для России всегда был особой территорией и по сегодняшний день продолжает оставаться тем регионом, где интересы российского населения и политика русского правительства тесно соприкасаются с интересами граждан иностранных держав. С первых лет освоения русскими дальневосточных рубежей сюда стали прибывать подданные европейских государств, а также граждане из сопредельных азиатских стран — Китая, Кореи и Японии.

Как правило, иностранцы, прибывавшие на Дальний Восток, имели экономическую заинтересованность в расширении торговли, освоении природных ресурсов. Однако методы и средства, которые они использовали для решения своих проблем, размах ведения бизнеса (будь то собственные крупные предприятия или же подработка на предприятиях местных промышленников), сроки пребывания, степень и манера взаимодействия с русским населением — все это было специфическим для каждой из групп мигрантов. Подобная ситуация объяснялась рядом причин, главная из которых, на наш взгляд, — отношение российской администрации к иностранным гражданам.

Необходимо отметить, что русское правительство, заинтересованное в скорейшем хозяйственном освоении этого региона, в условиях нехватки рабочих рук на приток мигрантов смотрело «сквозь пальцы» и даже приветствовало его. Тем не менее взаимоотношения с разного рода группами мигрантов было неравнозначными. Так, гражданам европейских государств, таких, например, как Германия, Дания, оказывалось содействие. Дела, касавшиеся их бизнеса и других нужд, решались сравнительно быстро, и отношение к ним в целом было достаточно благожелательным как со стороны властей, так и со стороны простого населения. Мигранты же из азиатских стран, как правило, вызывали тревогу и недоверие.

Опасения вызывала и географическая близость азиатских государств, а также многочисленность азиатского населения. Так, в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. во Владивостоке китайские, корейские и японские мигранты составляли половину населения города. В газетах конца XIX — начала XX в. нередко появлялись публикации, посвященные «желтой угрозе». Подобная точка зрения встречается и у исследователей того времени, например у В.К. Арсеньева в его работе «Китайцы в Уссурийском крае»¹.

Однако и миграция из сопредельных регионов тоже была далеко не однородной. На сегодняшний день изучение специфики каждой из мигрантских групп представляет особый интерес для исследователей. В последние годы вышли и продолжают выходить статьи и монографии как российских, так и зарубежных исследователей, в которых рассматриваются различные аспекты жизни иностранных общин на Дальнем Востоке.

Существуют работы, посвященные сравнительному анализу жизни иностранных диаспор, в том числе и азиатских. Можно выделить монографию коллектива авторов «Этномиграционные процессы на Дальнем Востоке», кандидатскую работу И.О. Сагитовой «Диаспорные общины Приморского края: формирование, развитие, этнокультурный облик (вторая половина XIX—XX в.)», монографию Т.З. Позняк «Иностранные подданные в городах Дальнего Востока» и др.

Интерес исследователей вызывает и изучение истории конкретных диаспор. Вышла монография, посвященная корейской диаспоре, а также монография, освещающая историю китайской диаспоры, тем не менее до сих пор нет обобщающей работы по истории японской диаспоры на Дальнем Востоке России. Отдельные аспекты данной проблемы освещались русскими и японскими авторами в ряде статей, из которых необходимо выделить работы Л.И. Галлямовой, З.Ф. Моргун, А.В. Шестакова, В.И. Косых, В.В. Кузнецова, Вакио Фудзимото, М. Сиратори, Айка Тамура, Икуко Мацумото и др.

На наш взгляд, японская диаспора города Владивостока существенно отличалась от прочих иностранных общин. За годы своего существования японская диаспора прошла несколько этапов формирования. Каждый из переходов в новый период жизни диаспоры, когда происходили количественные и качественные изменения внутри ее состава, был связан с определенным событием русской истории. Первым событием, изменившим положение диаспоры, явилась русско-японская война, после которой на Дальнем Востоке да и в других городах России подобные диаспоры практически прекратили свое существование. Вторым событием стала Октябрьская революция и последовавшие за ней изменения международной обстановки, в частности иностранная интервенция.

Первые японцы на территории Дальнего Востока начали появляться в конце 60-х годов XIX в. Като Кюдзю в своей работе «Сибирь в сердце японца»² отмечает, что Сэваки Хисато, официально направленный правительством Мэйдзи во Владивосток для составления отчета, познакомился с японцами, проживавшими в городе с 1868 г. В других японских изданиях о Владивостоке конца XIX — начала XX в. встречаются сведения о японцах, посещавших город еще в 1862 г.³ Однако количество таких переселенцев было невелико, так как на их родине, в Японии, еще не произошел переворот Мэйдзи, после которого японцам официально было разрешено покидать страну. Первыми приезжими были преимущественно мужчины, которые за небольшую плату нанимались на иностранные суда, а затем из-за тяжелых условий работы или же других причин покидали их и впоследствии не по собственной воле оказывались во Владивостоке. В итоге часть из них предпочла остаться здесь для постоянного проживания. С 60-ми годами XIX в. связано начало формирования японской диаспоры на российском Дальнем Востоке. Экономические интересы японцев в этот период ограничивались как русской конкуренцией, так и политическими событиями, чему способствовал Симодский трактат (1855) и Петербургский договор (1875)⁴.

В начале 70-х годов приток японских мигрантов увеличивается, проявляется сознательный, целенаправленный интерес японцев к Дальнему Востоку. Причиной стал ряд событий, в частности революция Мэйдзи, после которой японцы начали активно налаживать связи с зарубежными государствами, в том числе и с близкой Россией. В 1875 г. японцам удалось договориться об устройстве японских коммерческих агентств для «... удобства внешней торговли японцев, которые находились в данном регионе»⁵, что официально закрепило их присутствие на Дальнем Востоке.

Заинтересованность в развитии связей испытывала и русская сторона. С 1880 г. российским Добровольным флотом было открыто регулярное морское сообщение, соединявшее Одессу и Владивосток через Нагасаки, хотя гражданские перевозки были ограничены.

В целом конец 60-х — 80-е годы XIX столетия можно считать временем, когда закладывались предпосылки для дальнейшего развития русско-японских политических, экономических и культурных связей, а также для формирования на территории Дальнего Востока японской диаспоры. Согласно японским данным численность японцев в этот период была нестабильной и не превышала 350—450 чел. Во Владивостоке, например, проживало не более 90 японцев⁶.

В начале 90-х годов число японцев на Дальнем Востоке начинает увеличиваться. Конечно, количественный состав диаспоры был небольшим, тем не менее по сравнению с китайцами и корейцами японцы гораздо быстрее осваивались на новом месте и объединялись в профессиональные корпорации.

Важным источником дохода для японцев продолжал оставаться рыбный промысел на российской территории. Так как контроль за данным промыслом с русской стороны был недостаточным, то японский промысел носил иногда хищнический характер. В начале 90-х годов на Дальнем Востоке появляются рыбопромышленники⁷. Активизация японского рыбного промысла способствует принятый японским правительством закон от 15 марта 1902 г. «О японских подданных, занимающихся рыбопромышленностью в иностранных водах»⁸. Кроме того, уже освоившиеся здесь русские промышленники охотно привлекали для работы на собственных предприятиях опытных японских рабочих. Изданные в 1900 г. правила рыбного промысла запретили подобную практику, после чего иностранцы могли только скупать, но не добывать рыбу.

Дальний Восток испытывал нехватку рабочей силы и в других отраслях, поэтому местное правительство продолжало привлекать иностранцев. Японские рабочие были на хорошем счету у русских предпринимателей. В отчете приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского отмечались такие качества японских рабочих и ремесленников, как ловкость, честность, дисциплинированность и аккуратность⁹. По мнению властей, японская рабочая сила была гораздо предпочтительнее китайской.

Использовались японцы и в качестве рабочих на стройке. В 1891 г. началось строительство Транссибирской магистрали, а в 1896 г. — Уссурийской железной дороги, для которого из Японии на сезонную работу прибыло значительное число рабочих. Для строительства последней было доставлено 1130 японцев.

Одной из особенностей японской диаспоры по сравнению с корейской и китайской был ее социальный состав: число женщин практически на всех этапах было равным числу мужчин, а иногда даже превосходило его, тогда как в китайской и корейской диаспорах число мужчин всегда превалировало. Для во-

енных поселений с большим количеством несемейных мужчин традиционным было занятие проституцией среди молодых японских женщин из бедных сельских семей, в большом количестве прибывавших в крупные дальневосточные города. Нередко в публичные дома девушки попадали не по своей воле будучи обманутыми еще на родине, а потом они уже не имели возможности и средств на возвращение домой. Такие девушки назывались «караюки-сан» — «поехавшие за рубеж»¹⁰ и, конечно, не питали теплых чувств к местному населению. Пожалуй, единственным местом во Владивостоке, где «караюки-сан» могли получить помощь, был японский буддийский молельный дом Урадзио-хонгандзи, при нем существовало объединение проституток «Акэбонокай»¹¹, посредством которого они сохраняли какую-то связь с родиной.

Японки пользовались хорошей репутацией среди русского населения. Нанимаясь в семьи в качестве нянь и домработниц, они благодаря честности и аккуратности, присущим им, становились в буквальном смысле членами русских семей. Как сообщается в газете «Дальний Восток» за 1904 г., накануне отплытия парохода «Афридж», на котором японцы во главе с консулом отбывали в Японию, состоялось трогательное прощание японских нянь с русскими семьями¹².

В 1904 г. с началом русско-японской войны, на наш взгляд, заканчивается первый период существования японской общины на российском Дальнем Востоке. В начале XX в. число японских подданных на Дальнем Востоке составляло около 4,5 тыс. чел., в том числе во Владивостоке согласно газетным данным на 1901 г. — 3300 чел. Они расселялись также в Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Благовещенске и других городах, а также в Иркутске, Петербурге и даже в Одессе.

В этот период японское присутствие на Дальнем Востоке становится многочисленным и постоянным. Японцы начинают занимать особую нишу в экономической жизни этого региона. По мнению ряда исследователей, японцы смогли достичь выдающихся результатов прежде всего в сфере обслуживания. При наличии большого числа японских прачечных, фотографий, часовых мастерских, портняжных и столярных, невелико было число японских каменщиков, плотников и разнорабочих. В то же время именно в этой сфере занятости в основном применялся труд китайских и корейских мигрантов.

Важную роль играло японское предпринимательство и в области торговли. К началу 90-х годов появились первые японские магазины, количество их с каждым годом росло. Появляются и достаточно крупные торговые компании третьего и даже второго разряда. При анализе занятости японского населения можно сделать вывод, что большую его часть составляла промышленная буржуазия и обслуживающий персонал, что также отличало японскую диаспору от остальных азиатских диаспор.

По мере укрепления экономического положения японцев на Дальнем Востоке проживание их на данной территории становилось достаточно длительным. Они приезжали сюда с семьями или же обзаводились ими на месте, что по причине практически равного соотношения полов не составляло особого труда. Для них была открыта буддийская молельня Урадзио-хонгандзи¹³ японской буддийской секты амидаистского толка Дзедо синсю (секта Чистой земли). Со временем она стала центром культурной и общественной жизни японской диаспоры во многом благодаря деятельности настоятелей молельного дома.

В 1894 г. при молельне была открыта и японская школа для детей младшего школьного возраста, содержалась она на средства родителей. К марту 1902 г.

в ней работало два учителя и обучалось 50 детей. По свидетельствам самих же японцев, Урадзио-хонгандзи использовался в том числе и для шпионажа, так как дело шло к войне между Россией и Японией¹⁴.

К причинам, по которым к началу XX в. увеличился приток японцев на Дальний Восток России, можно также отнести такое событие, как открытие морских рейсов на Владивосток из Кобэ (1889), Ниигаты (1896), Цуруги (1902)¹⁵. Кроме того, с открытием в 1903 г. Транссибирской магистрали Владивосток стал удобным промежуточным пунктом для тех, кто ехал в другие российские города. По свидетельству студента Восточного института Петра Васкевича, большинство японцев были бедными выходцами с о-ва Кюсю и района Нагасаки и его окрестностей¹⁶. По мнению Васкевича, они благодаря своей энергии достаточно быстро избавлялись от нужды. Причина преуспевания японцев состояла и в том, что, приезжая на новое место, они сразу получали помощь от своих соотечественников, которые объединялись в некие самоуправляемые организации. Изначально это были общества по профессиональному признаку, позже они стали укрупняться в землячества. Самым большим было Владивостокское общество Урадзио керюминкай (Общество японских резидентов). В уставе общества отмечалось, что оно создано для воспитания в японских подданных духа самоопределения, содействия экономическому благосостоянию японцев, а также их культурного развития. Члены общества оказывали друг другу поддержку в обустройстве на новом месте, что, безусловно, помогало вновь прибывавшим быстро освоиться. Те, кто не хотел входить в данное общество, не рассматривались как сограждане и не получали никакой помощи ни от своих соотечественников, ни от представителей японского консульства. По сути, эти общества (всего их в Приамурском крае и Восточной Сибири насчитывалось 12) представляли собой некое государство в государстве, которое жило по своим собственным законам. Разумеется, эти общества старались придерживаться и российских законов. Так, преступность среди японцев была значительно ниже, чем среди других групп азиатских мигрантов. Российские власти относились к таким неофициальным объединениям с опаской и неприязнью, что было вполне оправдано.

Взаимоотношения же не с официальными властями, а с обычным населением были добрососедскими. Японцы не вызывали такого неприятия, как китайцы. Подобная ситуация сохранялась даже накануне русско-японской войны. В честь отъезжавшего на родину японского торгового представителя Тоихико Каваками, по сути, исполнявшего обязанности консула, русская сторона устроила прощальный ужин¹⁷, несмотря на то, что Россия и Япония уже находились на грани войны. Японцы оставляли имущество в домах русских на хранение, так как полагали, что в скором времени вернуться.

После окончания войны начался второй этап формирования японской диаспоры на российской дальневосточной территории. Интерес японцев к Дальнему Востоку после победы в русско-японской войне еще более укрепился. Уже в 1906 г. японские жители начали возвращаться в этот регион. Японское торговое представительство было преобразовано в консульство; в распоряжение буддийской организации Ниси Хонгандзи предоставлен специально построенный дом, рядом с которым предполагалось строительство собственно буддийского храма.

С 1917 г. начала выходить газета Урадзио ниппо¹⁸, с 1920 г. эта газета выходила на двух языках: японском и русском, правда, содержание их не всегда совпа-

дало. В издании газеты японскому редактору Идзуми Реносуке помогал профессор Восточного института японист Е. Спальвин. Сотрудничество русских и японцев в издательской, научной и художественно-культурной деятельности можно отнести к одной из особенностей формирования японской диаспоры.

На наш взгляд, всю японскую диаспору условно можно разделить на два пласта. Помимо рабочих, промышленной буржуазии и обслуживающего персонала существовала меньшая по численности прослойка интеллигенции, тесно связанная с духовной и культурной жизнью русской интеллигенции. Это преподаватели Восточного института Маэда Киегуцу, Мацуда Мамору, Каваками Хидео, некоторые из них даже участвовали в издательской деятельности. Это и настоятели японского молельного дома, который стал центром культурной жизни японской общины и местом встречи русских и японцев. Все они стремились поддерживать отношения даже после того, как это стало опасно по политическим причинам. Японскую диаспору можно оценить как наиболее организованную и культурную по сравнению с китайской и корейской.

С 1920-х годов активность японских обществ на Дальнем Востоке начала ослабевать, а количество их членов сокращаться. Ко второй половине 1930-х годов, накануне прекращения деятельности японской диаспоры, насчитывалось не более десяти японских семей.

¹ Арсеньев в.К. Китайцы в Уссурийском крае. Владивосток, 1914.

² Като Кюдзю. Сибирь в сердце японца. Новосибирск, 1992. С. 5–7.

³ Морун З.Ф. Владивосток и японцы // Россия и АТР. Владивосток, 1993. № 2. С. 89.

⁴ Мандрик А.Т. Роль японского капитала в развитии рыбного рыболовства на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы XX в. // Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в 1917–40-е годы XX в. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 63.

⁵ Фудзимото Вакио. Непосредственный опыт понимания России и СССР в Японии // Дальний Восток России и Японии. Владивосток, 2004. С. 14.

⁶ Васкевич П. Очерк быта японцев в Приамурском крае. Верхнеудинск, 1905. С. 3–4.

⁷ Галлямова Л.И. Развитие российско-японских региональных связей на Дальнем Востоке. Вторая половина XIX — начало XX в.: основные аспекты // Россия и АТР. Владивосток, 2003. № 1. С. 74–75.

⁸ Мандрик А.Т. Роль японского капитала... С. 64.

⁹ Верноподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского 1893, 1894, 1895 гг. СПб., 1895. С. 27.

¹⁰ Игауэ Нахо. Взаимные образы русских и японцев по фольклорным материалам // Вестн. Евразии. 2004. № 1 (24). С. 106.

¹¹ Морун З.Ф. Японская диаспора во Владивостоке. Владивосток, 1993. С. 152.

¹² Дальний Восток. 1904. 25 янв. С. 2.

¹³ Ветохина Ю.А. Религиозная жизнь японской общины г. Владивостока (последняя четверть XIX — первая половина XX в.) // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток: ДВО РАН, 2004. С. 232–236.

¹⁴ Фудзимото Вакио. Непосредственный опыт понимания России и СССР в Японии // Дальний Восток России и Японии: сб. науч. ст. Владивосток, 2004. С. 17.

¹⁵ Тамура Айка. Японская историография отношений Японии и Дальнего Востока России (последняя треть XIX — конец 20-х гг. XX в.) // Россия и АТР. Владивосток, 2004. № 1. С. 76.

¹⁶ Васкевич П. Очерк быта японцев в Приамурском крае. Верхнеудинск, 1905. С. 5–6.

¹⁷ Като Кюдзю. Сибирь в сердце японца. Новосибирск, 1992. С. 13.

¹⁸ Урадзю Ниппо. 1917. 9 дек. № 1.

SUMMARY. The author of the article “Some peculiarities of the process of forming of the Japanese diaspora in the Russian Far East”, Yu. Vetokhina analyses the levels of the genesis and development of the Russian-Japanese relations at the end of the 19th — the first half of the 20th century in the Russian territory.